

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1847–1848] // Богословский вестник 1897. Т. 4. № 11. С. 337–368 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 337 —

ко мнѣ,—и даже, въ доказательство неизмѣннаго ко мнѣ 1847 г. расположенія, нарекли меня воспріемникомъ при крещеніи родившейся у васъ еще въ минувшемъ году дщери. Что касается до вашего письма, то оно до сихъ поръ не являлось ко мнѣ,—что для меня крайне непріятно. А за то, что вы удостоили меня чести быть снова вашимъ кумомъ, приношу усерднѣйшую благодарность. Съ любовію приѣмлю вашу Катеньку въ число моихъ духовныхъ дщереи, коихъ у меня еще такъ мало. Я очень радъ, что новая моя крестница растетъ и укрѣпляется.

Пора же, въ самомъ дѣлѣ, и вамъ разводиться семействомъ; иначе какимъ же образомъ будетъ достигнута цѣль брака? Итакъ, да здравствуетъ наша Катенька! Пусть растетъ и утѣшаетъ своихъ родителей... А я съ своей стороны посылаю ей въ благословеніе маленькую икону препод. Сергія: да блюдетъ и охраняетъ ея жизнь сей св. Угодникъ Божій!

Послѣ сего я увѣренъ, что вы не обременитесь сообщить мнѣ хотя краткое извѣстіе о вашихъ собственныхъ обстоятельствахъ и обстоятельствахъ общихъ нашихъ родныхъ. Повѣрите, я крайне интересуюсь всѣмъ, что касается до Муромъ вообще, и до родныхъ моихъ въ особенности. Въ теченіе года, не прошю, можетъ быть, дня, чтобы я не вспомню о Муромѣ, особенно объ участи роднаго семейства.

Да скажите, пожалуйста, правда-ли, что въ Муромѣ открылись дѣйствія губительной извы, опустошающей Россію?—Къ намъ, съ каждою почтою, приносятся разныя извѣстія, со всѣхъ концовъ Россіи, объ этомъ всеобщемъ бѣдствіи. Такъ наприм. съ нынѣшнею почтою получено извѣстіе изъ Казани, что тамъ сильно свирѣпствуетъ холера, что гибельныя дѣйствія ея простерлись даже и на нашу ученую братію: два студента академіи уже сдѣлались жертвою ея, и прочіе ожидаютъ той-же участи,—всѣ рѣшительно, говорятъ, больны и академія съ 22-го сентября уже закрыта. Въ Москвѣ холера дѣйствуетъ, но еще не такъ сильно. Что касается до насъ, то, хотя и пѣтъ еще смертности, однакожь начинаютъ обнаруживаться нѣкоторые признаки; и мы уже готовимся къ срѣтенію страшной гостии. Послѣ предварительныхъ медиц. пособій, положено прибѣгнуть къ

1847 г. вышшимъ, духовнымъ средствамъ. 19-го числа предписано преосв. Митрополитомъ совершить вокругъ всего посада крестный ходъ. Съ 20-го у насъ въ академіи начнется постъ и общественная молитва. При этихъ спасительныхъ средствахъ и при заступленіи угодниковъ Божіихъ,—авось минуетъ насъ страшная туча будущаго бѣдствія.

Что касается въ частности до меня, то я, слава Богу, пока здоровъ и по мѣрѣ силъ, занимаюсь своимъ дѣломъ. Здоровье мое значительно укрѣпилось отъ продолжительнаго и пріятнаго путешествія на родину. Путешествіе свое я совершилъ благополучно: видѣлся со всѣми родными, и и всѣми былъ принять, какъ нельзя лучше. Почему я не пріѣхалъ въ Муромъ, вопреки крайнему желанію своему, причина вамъ, конечно, извѣстна. На обратномъ пути съ родины былъ я во Владимірѣ; являлся къ Преосвященному. Владыка принялъ меня благосклонно; обо многомъ спрашивалъ, и между прочимъ, спросилъ, гдѣ я провелъ вакацію; хвалилъ такъ-же мою рѣшимость оставить міръ въ пользу наукъ. И дѣйствительно—по собственному уже опыту могу сказать, что для молодаго вдоваго священника, разумѣется, сколько-нибудь расположеннаго и способнаго къ занятію науками, самое лучшее и безопаснѣйшее убѣжище—въ академіи. Сравнивая прежнюю мірскую жизнь (я разумью состояніе вдовства) съ настоящею, много, очень много находишь преимуществъ на сторонѣ послѣдней. Здѣсь совершенно свободенъ отъ всѣхъ суетъ и неприятностей, какія необходимо встрѣчаются въ мірѣ при многоразличныхъ отношеніяхъ. Въ академіи и отношенія и занятія гораздо простѣе“.

Помѣщаю здѣсь интересную выписку изъ письма моего товарища Г. П. Быстрицкаго отъ 24-го оября къ другу его, студенту Кіевской академіи П. П. Флоринскому:

„У васъ эпидемія кончилась или, по крайней мѣрѣ, получаетъ конецъ, а въ нашей сторонѣ она началась только... Въ Москвѣ оказалась холера около половины сентября.

Наша академія въ 60-ти верстахъ отъ столицы; народъ идетъ изъ Москвы во многомъ числѣ чрезъ посадь: но еще Богъ хранить. 19 го дня, въ воскресенье, у насъ дѣлали крестный ходъ вокругъ всего посада. Церомонія была умиленная и торжественная; звонъ былъ постоянный въ лаврѣ, — а каковъ этотъ звонъ!... и въ цѣломъ посадѣ.

Процессія продолжалась пять часовъ.—И у насъ, въ академіи, приняты предосторожности въ пищу, въ чищеніи комнатнаго воздуха и проч., а главное—въ очищеніи душъ. Конференція сдѣлала предложеніе и получала разрѣшеніе отъ Митрополита установить въ академіи временное говѣнье. И вотъ мы другой день готовимся къ Евхаристіи. Завтра, въ день Казанской Божіей Матери, мы будемъ приобщаться св. Таинъ. Нынѣ исповѣдывались во грѣхахъ. Не обидѣлъ-ли я тебя чѣмъ-нибудь—прости меня: приступаю къ великому и страшному таинству...

Нынѣ (22-го дня) Господь удостоилъ насъ великаго дара. Да будетъ онъ намъ въ животъ временный и вѣчный. Да, другъ, дѣло, кажется, мы совершили весьма необходимое всегда, тѣмъ болѣе въ настоящихъ обстоятельствахъ. Богъ знаетъ, что будетъ. Будущее наше въ Его десницѣ; гнѣвъ Его, карающій беззаконія, шествуетъ уже недалеко... Хороша, умилительна проповѣдь нашего владыки-Филарета, читанная во всѣхъ церквахъ Москвы,—на настоящій бѣдственный случай, начинающаяся воспоминаніемъ о Циневитянахъ, о грозной проповѣди Іоны, о ихъ покаяніи,—изъ какого событія выводится нѣсколько поучительныхъ и утѣшительныхъ истинъ, прилагаемыхъ къ намъ въ настоящемъ положеніи. Проповѣдь эта отпечатана въ послѣдней, вышедшей книжкѣ Твореній св. Оцевъ....

Въ Москвѣ холера все усиливается.. Съ этимъ общимъ несчастіемъ—посѣщеніемъ гнѣва Божія, соединилась еще злоба людей. Поляки злодѣйствуютъ въ Москвѣ, стараются отравлять ядомъ—покушаются бросать оный въ колодези. Но ихъ злодѣйства открываются. У насъ вчерашній день прошелъ слухъ, что 60-ть человѣкъ студентовъ университета отравили, что 8-мъ человѣкъ погибло отъ яда, положеннаго въ вино цѣловальникомъ, подкупленнымъ злодѣями. Кстати о злодѣяхъ-Полякахъ. По ихъ милости и старанію, сгорѣла вся почти Кострома и въ то-же время множество домовъ въ нашемъ Ивановѣ... Одинъ изъ злоумышленниковъ—докторъ открытъ; попались въ этомъ дѣлѣ и бѣдные семинаристы—двое; они повинились въ поджигательствѣ, взявши отъ злодѣевъ денежную награду за это дѣло, и положили пятно на семинарію.

Радуюсь твоему счастью и радости, которою наполняется

1847 г. сердце твое отъ лекцій вашего почтеннаго о. ректора ¹⁾). Учись и совершенствуйся подъ вліяніемъ этого ученѣйшаго и добродѣтельнаго наставника. Лекцій своего о. ректора я еще не слыхалъ: по, по отзывамъ слушателей, онъ лучше своего предшественника — пастоящаго ректора С.-Петербургской академіи (преосв. Евсевія); съ вашимъ, конечно, не сравняется. Но не всѣхъ Богъ надѣляетъ равнымъ счастіемъ. Ваша академія отличается учеными ректорами; она имѣла свѣтильникомъ своимъ Иннокентія; теперь имѣетъ Дмитрія. Нашъ Владыка, не знаю, по какой благой мысли, старается назначать ректоровъ сюда-болѣе хорошихъ правителей, чѣмъ наставниковъ. Потому настоящій о. ректоръ (Алексій) нашъ изъ числа кандидатовъ былъ меньшій по учености, если судить о ней по успѣхамъ академическимъ — по тому, какъ кончиль курсъ въ академіи. Но онъ, дѣйствительно, достойный правитель и умный... отецъ. Студенты имъ болѣе довольны, чѣмъ его предшественникомъ, по крайней мѣрѣ, въ пастоящее время; за будущее ручаться нельзя.

У насъ явилась новая книга — сочиненіе Макарія, инспектора Петерб. академіи — „Введеніе въ Православное Догматическое Богословіе“. Я еще не читалъ ее; но всѣ читавшіе говорятъ, что нѣтъ ничего особеннаго; но можетъ-ли быть что-нибудь особенное въ сочиненіи, гдѣ не могутъ входить истины новыя, неслыханныя и увлекающія своею новостію. Изложеніе ихъ — система такъ же не можетъ отличаться новостію. Форма зависитъ отъ содержанія, отъ начала или идеи и ея развитія. Если эта идея и эти истины, выводимыя изъ нея, старыя: и форма не можетъ быть новою. Сама истина даетъ себѣ форму, или естественная форма ея та, которая выходитъ изъ нея самой. Въ журналахъ критики называютъ этого писателя — съ большою, огромною начитанностію... Пв. Ник. Полисадовъ, который былъ у насъ, — очень хвалить его, какъ наставника и говорить, что занимается наукой очень много“.

25-го октября получилъ я изъ Хотимля отъ зятя о. П. П. Успенскаго письмо очень печальнаго содержанія.

„Много, много виновать я, — писалъ онъ отъ 20-го числа, — предъ вами, что на письмо ваше, присланное мнѣ,

¹⁾ Архимандрита Дмитрія (Мурегова), вносльдствіи архієпископа Херсонскаго († 1883).

доселѣ не отвѣчалъ, и не соблюлъ даннаго слова. Опустилъ случай писать вамъ въ пространномъ домку, теперь пишу въ банѣ на полку. Разсудокъ разстроены, память потеряна и вы сами признаете, что отъ настоящаго моего письма и пахнетъ баннмъ духомъ. Вотъ, милый братецъ! все мое предъ вами признаніе! Виновать, что прежде не писалъ, а теперь и мѣста нѣтъ, гдѣ-бы было писать. Видно въ послѣдній разъ въ вѣче у насъ посѣщеніе мы наглядывались, хотя на немудрое устройство нашего пріюта. 18-го числа прошедшаго сентября въ три минуты не стало у меня ничего, что ни приобрѣталъ, вамъ извѣстно, какъ, — въ 18-ть съ половиною лѣтъ. Въ первомъ часу пополудни у моего сосѣда — благочиннаго, неизвѣстно какъ, потому что не признаются, въ худой задней избѣ загорѣлось, и чрезъ минуту при сильномъ вихрѣ огонь пожралъ мои передвѣи и задній домы. Не успѣли поглядѣть на нихъ и что было въ нихъ:— все мгновенно осталось жертвою пламени. При недостаткѣ средствъ отстанывать, у меня сгорѣлъ и погребъ со всеѣмъ запасомъ, а что могли со стороны вынести кое что изъ дому, то сгорѣло среди улицы. Въ полчаса не стало ни одного дома, и—теперь Хотимъ есть ничто иное, какъ чистое поле. Описывать-ли болѣе несчастное наше положеніе? Не станеть у меня теперь ни разсудка, ни ума. Наступаетъ время холодное, а мы не имѣемъ, кромѣ бани и сарая, никакого пріюта. Въ селѣ пашемъ еще отъ 1-го пожара никто не отстроился, гдѣ-бы я могъ помѣститься съ своимъ семействомъ. Ни самимъ намъ, ни скоту убѣжища нѣтъ. Но, видно, такъ угодно Богу некусить нашу вѣру и терпѣніе. Онъ накажетъ, Онъ же и милость Свою намъ явить. Дѣлать печего. Надобно горе перенести,— свои грѣхи перечестъ, а потомъ ужъ сѣсть, да и ѣсть. Буди воля Господня надъ нами!“

На письмо это отвѣчалъ я 31-го числа.

Въ тотъ же день писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Тропольскому:

„Пріятнымъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ со днемъ вашего ангела. Да осѣняетъ жизнь вашу кровомъ криль своихъ великій предстатель небесныхъ силъ св. архистратигъ Михаилъ, да продлитъ Господь дни ваши въ мирѣ и вождельнномъ здравіи.

1847 г. Намѣреніе мое посѣтить Муромъ было не столько то, чтобъ насладиться привѣтомъ родныхъ, сколько воздать долгъ моей возлюбленной Аннѣ Васильевнѣ и, можетъ быть, однажды навсегда распротиться съ роднымъ городомъ. При томъ рассчитывалъ и то, что если я не воспользуюсь нынѣшней поѣздкой для посѣщенія Мурома, то едва ли буду имѣть возможность и средства быть тамъ до окончанія академ. курса; а до того времени, Богъ вѣсть, кто живъ будетъ. Вотъ нынѣ какія тяжкія времена: холера безъ разбора губить всѣхъ. Впрочемъ, благодареніе Господу и Его великому угоднику препод. Сергію, эта губительная язва, опустошая грады и веси, не проникла еще въ нашу Бого-спасаемую обитель.

Что касается до меня, то я, слава Богу, здоровъ. Занятіями не слишкомъ обременяю себя, хотя отнюдь не позволяю себѣ праздности. Силы берегу на старшій курсъ; тамъ потребна будетъ большая дѣятельность; при томъ и предметы будутъ ближе къ моему званію и состоянію. Начинаю уже думать и о перемѣнѣ, если не образа жизни, то по крайней мѣрѣ одежды. Предлагалъ объ этомъ о ректору, и по взаимному согласію, рѣшили отложить это дѣло до слѣдующаго года“.

31-го октября писалъ мнѣ изъ г. Вязниковъ товарищъ и одинъ изъ близкихъ моихъ друзей по семинаріи, священникъ Василій Павловичъ Богородскій:

„Сколь давно я предполагалъ писать къ тебѣ, но обстоятельства и дѣла похищали это мое отрадное предположеніе. Но первые слухи о твоёмъ несчастіи рѣшительно меня убѣждали сдѣлать съ тобою переписку, но все не удалось. И теперь пишу, какъ говорится, ущипкомъ и урывкомъ.

Другъ! что съ тобою?... не смѣю я тебѣ напоминать о Муромѣ, и не смѣю и спрашивать, какъ ты жилъ въ немъ? что-бы симъ не растрогать твою усыпавшую печаль по А..... Но мнѣ хотѣлось-бы знать и о жизни твоей въ Муромѣ; но что-жъ? теперь и поздно; она для тебя невозвратима и безотрадна, и для меня незанимательна, между тѣмъ какъ прежде я всегда участвовалъ во всѣхъ радостныхъ обстоятельствахъ твоей Муромской первоначальной жизни. А послѣднее печальное событіе съ тобою—лишеніе (супруги) и меня неоднократно заставляло плакать.

Скажи мнѣ: какъ ты теперь живешь въ лаврѣ? и что ты? не монахъ-ли? Да! любезный, я смѣло тебя спрашиваю, и, быть можетъ, не кажусь-ли тебѣ дерзокъ? Но я люблю тебя всей душой, и спрашиваю дружески. Другъ ли ты мнѣ и доннѣ, а я тебѣ другъ, быть можетъ хотя и скучный, и лишній. Тамъ, гдѣ ты теперь, много тебѣ найдется друзей, съ коими можно раздѣлить и время и чувствованія души, но почему-же бросать и прежнюю дружбу семинарскую, разсѣянную повсюду—по городамъ и селамъ? Тамъ, гдѣ ты теперь въ бесѣдахъ мудрости, можно забыть о нашихъ прежнихъ бесѣдахъ простоты. Но что мнѣ, пусть забылъ ты все; но я не забуду, не забуду тебя, любезный Иванъ Михайловичъ.

Но если ты уже забылъ меня,—я расскажу о себѣ. Кто я? ты знаешь; гдѣ живу? тебѣ извѣстно; а какъ?

Слава Богу! приходъ мой не богатый, но и бѣднымъ назвать такъ-же нельзя—посредственный, состоитъ изъ прихожанъ разныхъ сословій, а болѣе крестьянъ. Долго намѣревался я перейти въ другой; но уничтоженіе штата одного въ нашей троеприходской церкви, дало мнѣ осѣдлость; тѣмъ болѣе потому я теперь бросилъ это намѣреніе, что построилъ новый домъ и довольно хорошій; надобно здѣсь жить; хотя денегъ мало, но труда много: служба повседневная,—обязанность увѣщанія въ судахъ и тутъ же побѣги въ поле по хозяйству, городъ и деревня у насъ вмѣстѣ;—можно найдти разгуль; есть гдѣ имѣть и уединеніе;—выходишь въ поле.—любуется пивами;—сходишь въ Вязники,—встрѣчаешься съ нимфами. Словомъ сказать: въ приходѣ моемъ жизнь-микстура; но при всемъ этомъ надобно сказать, не горькая.

Расположеніе гражданъ-дворянъ и купечества ко мнѣ не по достоинствамъ велико; любятъ и принимаютъ всѣ; но признаюсь тебѣ дружески, что только нѣтъ у меня расположенія и нѣтъ ко мнѣ расположенія у товарища моего протопопа І. Воинова, который всегда гордится тѣмъ, что онъ родился прежде меня 20-ю годами; но и желать дружбы его не интересно, а вражда его опасна, въ семъ отношеніи я частію не спокоснѣ. И одинъ разъ злоба его противъ меня излилась и предъ Владыкой, но возвратилась къ его же ногамъ... Онъ благочинный и судья!...

1847 г. Скажи мнѣ, если ты не измѣнился въ отношеніи меня въ своихъ дружескихъ расположеніяхъ, о себѣ. Какъ пріятно тебѣ жить въ лаврѣ, или какъ скучно послѣ Муромъ. Нѣтъ-ли какихъ новостей?

Да еще прошу тебя, Иванъ Михайловичъ, другъ мой, извѣсти: не издастся-ли при академіи вашей какой-нибудь журналъ и какого достоинства; и за сколько его можно получить съ пересылкою; или другіе не выходятъ-ли какіе хорошенькія книжки, я бы чрезъ тебя вынисалъ. Право! совершенно нечего почитать;—въ городѣ нѣтъ почти ни у кого хорошихъ христіанскихъ книгъ. А особенно узнай, нѣтъ-ли какихъ новыхъ Катихизисовъ или Катихизическихъ ученій, для преподаванія коихъ въ здѣшнемъ мѣстѣ опредѣленъ я и тружусь до пота, а толку мало. Владыкѣ за три года представилъ груду Катихизическихъ бесѣдъ;—прочелъ, замѣтилъ, благодарилъ и только...

Извѣсти, здравствуетъ-ли любезнѣйшій и незабвенный нашъ наставникъ Яковъ Ильичъ Владыкинъ? Я молюсь за его здоровье. Нѣтъ-ли съ тобою и еще кого-либо изъ нашихъ товарищей? а гдѣ? гдѣ друзья? скажи о комъ знаешь.

Конечно тебѣ, быть можетъ, некогда придумывать старицу, по, другъ, хотя строчку отпиши новостей.

Вотъ и я при всѣхъ недосугахъ наболталъ тебѣ множество галиматый; и буду доволенъ, если ты мнѣ на десять строкъ будешь отвѣчать одной.

Наиши, еще прошу, о хорошенькихъ книжкахъ,—избавь меня отъ скуки.

Я ожидать тебя въ Вязники, во время вакаціи, предполагая, что ты изъ Дупилова поѣдешь въ Муромъ. Но напрасно мое ожиданіе. Въ будущее же время сдѣлай трактъ на Вязники, а болѣе чрезъ Ераполь.

Прощай, Иванъ Михайловичъ. Извини братъ,—что писалъ очень не складно, право, почти стоя и не мысля.

6-го ноября даны были намъ по классу опытной Психологіи и Правственной философіи слѣдующія 7-мъ темъ для сочиненія:

- 1) „Постепенное развитіе души отъ пробужденія сознанія до начинающейся зрѣлости разума“.
- 2) „Житейское благоразуміе“.
- 3) „Извращенность эгоизма“.

- 4) „Объ очищеніи и исправленіи темпераментовъ“.
- 5) „Отношеніе матеріальнаго благосостоянія къ нравственному состоянію человѣка“.
- 6) „Взглядъ на нравственное ученіе стоиковъ“.
- 7) „Какимъ образомъ опытное изученіе духовной природы человѣка ведетъ къ сознанію необходимости для него благодатной помощи?“

Я писалъ сочиненіе на послѣднюю изъ этихъ темъ, и сочиненіе признано „хорошимъ“.

11-го ч. писалъ я пространно своему Вязниковскому другу о. Богородскому въ отвѣтъ на его письмо отъ 31-го октября:

„Спѣшу немедленно отозваться на твой дружескій голосъ. Нѣтъ, любезный! напрасно подозрѣваешь меня въ безчувственномъ равнодушіи и совершенномъ забвеніи прежнихъ нашихъ отношеній. Я очень хорошо помню и люблю тебя, какъ добраго и искренняго друга и товарища. Въ числѣ друзей моихъ, коихъ впрочемъ у меня было не слишкомъ много, ты едва-ли не первое занималъ мѣсто: говорю это по чистой совѣсти. Твое добродушіе, твое благородство, чистота нравственности и явное ко мнѣ благорасположеніе всегда находили живое сочувствіе въ моемъ сердцѣ. Но къ чему излишнія объясненія?—Изъ того, что до сихъ поръ не было между нами переписки, никакъ не слѣдуетъ, что мы оба вдругъ забыли взаимныя наши отношенія. И безъ твоего письма я совершенно увѣренъ былъ въ твоемъ неизмѣнномъ ко мнѣ расположеніи,—я съ своей стороны могу твердо завѣрить тебя въ моемъ истинномъ усердіи и расположеніи. Нѣтъ, если мы питали другъ къ другу безкорыстную любовь: то это чувство, по слову Писанія, никогда не можетъ изгладиться: *любы николиже отпадутъ*. Однако жъ этамъ хочу я сказать не то, чтобъ и вовсе не нужно было свидѣтельствовать внутреннихъ расположеній сердца внѣшними какими бы то ни было знаками. Письменное посланіе есть ближайшее выраженіе дружеской пріязни: и я такъ же, какъ и вы, не разъ замышлялъ, даже принялся было однажды за перо, чтобъ напомнить вамъ, хотя въ краткихъ словахъ, о себѣ и о своихъ отношеніяхъ къ вамъ—это было еще въ Муромѣ: но обстоятельства отвлекли, и—замысль не совершился. Но теперь, когда вы, послѣ

1847 г. многократныхъ, какъ говорите, покушеній, рѣшились наконецъ нарушить столь долгое взаимное молчаніе наше, не могу и я не пробудиться отъ глубокаго безмолвія. За то, чѣмъ продолжительнѣе было молчаніе, тѣмъ пріятнѣе вступать въ откровенную бесѣду съ вѣрнымъ другомъ.

Прежде всего благодарю тебя, другъ мой!—за искреннее участіе въ постигшемъ меня злополучіи. Да, было время, когда много, слишкомъ много нужно было вынести моему бѣдному сердцу. Не буду изображать, да и не знаю, можно-ли выразить словами то состояніе, въ какомъ я былъ въ первые дни и мѣсяцы послѣ праведнаго посѣщенія Божія. Только та же благодать Божія, которой угодно было наказать меня лишеніемъ едипственнаго земнаго блага — доброй подруги,—могла и укрѣпить меня въ то время для безропотнаго перенесенія искушенія. Теперь съ переменною мѣста и образа жизни, слава Богу, я начинаю забывать нѣсколько прежнею горе. Что сказать вамъ о настоящемъ моемъ положеніи? — Если сравнивать его съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ я былъ въ Муромѣ до вдовства: то, конечно, оно не можетъ итти въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ параллель съ нимъ. Если же судить о немъ по отношенію къ послѣдному періоду моей жизни въ мірѣ: то нельзя не отдать ему въ этомъ случаѣ преимущества. Академическая жизнь для молодаго вдоваго священника, разумѣется, сколько-нибудь расположеннаго и способнаго къ занятію науками, — самое лучшее и безопасное убѣжище. Конечно, если смотрѣть на академію съ идеальной точки зрѣнія, то потребно много силъ и трудовъ, чтобы быть совершеннымъ студентомъ: предметовъ здѣсь очень много и притомъ излагаются всѣ въ возможно обширномъ объемѣ. Но кто же требуетъ невозможнаго? Здѣсь предлагаютъ всѣмъ все: но принимать и усвѣять себѣ то или другое, въ такой или иной мѣрѣ, совершенно зависитъ отъ произвола каждаго. Главное здѣсь — сочиненія: на нихъ преимущественно обращается вниманіе, по нимъ окончательно судятъ о каждомъ студентѣ. Написалъ въ годъ три-четыре порядочныхъ сочиненія, — и преисправный студентъ. На сочиненія употребляется все время, исключая опредѣленныхъ для классныхъ занятій часовъ. Лекціи сдаются только недѣли за двѣ или за три предъ экзаменомъ. Дѣла мои въ

прошедшемъ году шли счастливо; не знаю, что Богъ дастъ 1847 г
дальше. Слушаешь въ классѣ чтенія профессоровъ и бакалавровъ большею частію съ удовольствіемъ.

До сихъ поръ я пребываю тѣмъ, чѣмъ пріѣхалъ изъ Мурома: однако-жъ начинаю уже думать и о перемѣнѣ одежды. Въ слѣдующемъ году, если только это будетъ угодно Господу, вы услышите мое новое имя. Вотъ какъ непостижимы судьбы Божіи! О монашествѣ у меня вѣкогда не было прежде и помысла: а теперь этотъ путь для меня сдѣлался совершенно неизбѣженъ, если-бы даже я не былъ и въ академіи. Но да будетъ надо мною воля Божія!

Живу между монашествующими. Общество наше состоитъ теперь изъ трехъ братій: кромѣ меня, одинъ іеромонахъ, поступившій вмѣстѣ со мною въ академію съ Кавказа, но прямо на старшій курсъ;—другой—свѣтскій студентъ, изъявившій желаніе поступить въ монашество, въ слѣдствіе родительскаго обѣта посвятить его Богу, купсческій сынъ изъ Казани. Есть у насъ еще собратъ—молодой іеродіаконъ изъ старшихъ студентовъ: но, кажется, онъ уже погибъ для насъ; съ миноваго іюня томится, несчастный, въ домѣ умалишенныхъ—въ Москвѣ, частію въ слѣдствіе природнаго предрасположенія къ умопомѣшательству, а еще болѣе въ слѣдствіе неблагоразумно-аскетическихъ подвиговъ, которые онъ добровольно наложилъ было на себя. Жизнь ученаго монаха не можетъ и не должна быть въ точности располагаема по примѣру жизни монаховъ пустынниковъ.

Особая выгода монашеской жизни въ академіи та, что можно безпрепятственнѣе, чѣмъ свѣтскимъ студентамъ, заниматься науками. При всемъ, впрочемъ, удобствѣ, я не позволяю себѣ слишкомъ много заниматься теперь потому, что разстроенное здоровье, съ коимъ я пріѣхалъ въ академію, еще не совершенно исправилось;—частію же и потому, что берегу силы для старшаго курса: тамъ и предметы ближе къ моему званію, и дѣятельность потребуется болѣе напряженная. Не безъ удовольствія, правда, можно заниматься и философскими предметами, но рассчитываешь то, какое приложеніе могутъ имѣть для меня эти предметы въ жизни. На сей разъ умственная дѣятельность моя сосредоточена исключительно на слѣдующемъ вопросѣ: „согласно-ли съ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи лич-

1847 г. пости души“?—Давно уже тружусь надъ этимъ сочиненіемъ, но что-то худо клеится дѣло. А вы слышали что-нибудь о Гегелѣ? Едва-ли: въ нашихъ семинарскихъ запискахъ, помнится мнѣ, и помину объ немъ не было. Это—современный Германскій философъ, котораго впрочемъ нѣтъ уже на свѣтѣ (онъ ум. отъ холеры), но коего духъ живетъ и, можетъ быть, долго еще будетъ жить въ потомствѣ. Его философія проникла всѣ почти Европ. литературы. Но сколько эта философія умна, или лучше, хитра, столько-же противна духу христіанскому. Ея основная идея,—пантеизмъ. Вотъ нѣкоторыя главныя ея положенія: все существующее есть проявленіе или видоизмѣненіе абсолютнаго духа. Предѣлимая не болѣе, какъ моменты безконечнаго процесса. Въ духѣ человѣческомъ абсолютное достигаетъ до самосознанія. По смерти, человѣкъ теряетъ свою личность и существуетъ только въ тѣхъ дѣлахъ, кои совершалъ онъ въ здѣшней жизни, подъ влияніемъ Божеств. личности.

Очевидно, для борьбы съ такими анти-христіанскими мыслями потребно много силъ и опытности. Къ тому же, не малымъ препятствіемъ служатъ еще невѣдѣніе нѣмецкаго языка, на которомъ писалъ Гегель. Пужда, правда, заставила и меня заняться этимъ языкомъ; и теперь, слава Богу, мало по малу начинаю уже кое-что понимать.

Теперь позвольте обратиться къ вамъ. Объ васъ давно я слышала пріятныя вѣсти,—слышала, и отъ души радовался. Но теперь вотъ и сами вы раскрываете предо мной картину своей жизни. Все бы хорошо, да одно мнѣ не совѣмъ правится: ваши взаимныя отношенія съ сослуживцемъ. Несогласіе въ обществѣ—это первый и главный источникъ всѣхъ непріятностей въ жизни. Напротивъ, *се что добро или что красно, но еже жити брати вкупу*. На этотъ разъ я была очень счастлива въ Муромѣ: враговъ, по крайней мѣрѣ, явныхъ никого не имѣла; какъ съ начальниками, такъ и съ равными себѣ, всегда жилъ въ добромъ согласіи. Да и теперь всячески стараюсь поддерживать въ своемъ маломъ кругу миръ и любовь. Если же и случается встрѣтить какую-нибудь непріятность, всегда удерживаюсь отъ выраженія неудовольствія: гораздо безопаснѣе гасить искру прежде, нежели она обратится въ пламень. Совѣтую, другъ мой, и вамъ, *еще возможно, со*

всѣми людьми миръ имѣти, тѣмъ болѣе съ старѣйшими и судіями. Отъ нихъ не скоро дождешься чего-нибудь добраго, а бѣду какъ разъ получишь: вы же сами свидѣтельствуете это. Что дѣлать? Лучше иногда отступить отъ своихъ правъ, если это, разумѣется, не соединено прямо съ нарушеніемъ высшихъ требованій долга, нежели раздражать капризнаго старика.

Вы спрашиваете меня насчетъ журнала? Издается при нашей академіи журналъ: „Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія“. Обыкновенно выходитъ 4 книги въ годъ. Каждая книга состоитъ изъ 2-хъ частей: въ 1-й—русскій переводъ творенія извѣстнаго св. отца, а во 2-й—оригинальныя статьи нашихъ ученыхъ разнаго содержанія, разумѣется, духовнаго. Въ каждой книгѣ помѣщаются двѣ-три проповѣди преосвященнаго Митрополита. Годовое изданіе съ пересылкою 5 р. серебромъ. О достоинствѣ журнала говорить много нечего: переводъ съ греческаго самый точный и исправный; оригинальныя статьи, за исключеніемъ проповѣдей, имѣютъ характеръ по преимуществу ученый, и потому особеннаго приложенія къ дѣлу приходскаго проповѣдника имѣть не могутъ. Изданіе журнала началось съ 1843 года. Въ вышедшихъ доселѣ книжкахъ переведено только еще два отца—Григорій Богословъ и Василій Великій. Съ будущаго года начнутъ переводить Ефрема Спина. Если угодно, можете выписать журналъ за всѣ прошедшіе годы“.

Выше я сказалъ, что насъ жило въ монашеской кельѣ трое; но я забылъ, что между нами водворялся еще одинъ товарищъ—свѣтскій студентъ Оерапонтъ Евдокимовъ, готовившійся къ принятію монашества. Онъ намъ съ о. Мусеемъ причинялъ безпокойства и заботъ не меньше, чѣмъ іеродиаконъ Серапіонъ. Сынъ богатаго Казанскаго купца, онъ съ дѣтства обреченъ былъ своими родителями на монашескую жизнь, и потому проходилъ, по желанію родителей, духовныя школы. По выслушаніи, подъ руководствомъ домашнихъ наставниковъ, наукъ семинарскаго курса, онъ, какъ даровитый юноша, поступилъ, для полученія высшаго духовнаго образованія, въ Московскую академію. Но здѣсь, вдали отъ родительскаго надзора, получая между

1847 г. тѣмъ отъ богатаго отца обильныя средства къ роскошной жизни, онъ повелъ жизнь, далеко не соответствующую предположенному назначенію. Около богатаго товарища не замедлила образоваться партія любителей веселой жизни на чужой счетъ. И вотъ, когда бывало нашъ Евдокимовъ получить съ почты не одну сотню рублей, онъ тотчасъ-же исчезаетъ изъ кельи на недѣлю, а иногда и долѣе, не показывается намъ и глазъ до тѣхъ поръ, пока не истощитъ изъ своего кармана до послѣдней мѣдницы. Затѣмъ, освободившись отъ лишняго бремени въ карманѣ и желая вознаграждать потерянное вмѣстѣ съ деньгами драгоценное время, онъ предается непомѣрнымъ запятіямъ наукою. Встанетъ, бывало, часа въ три или четыре и, поставивъ на столъ кипящій самоваръ, который своимъ шипѣніемъ не давалъ намъ покоя, читаетъ и пишетъ часовъ пять-шесть, не вставая съ мѣста. Въ половинѣ 1847 г. подано было имъ прошеніе о постриженіи его въ монашество и въ декабрѣ послѣдовало изъ св. Синода разрѣшеніе. Въ январѣ, по возвращеніи изъ Москвы послѣ Рождественскихъ праздниковъ о ректора, предположено было совершить надъ нимъ обрядъ постриженія. Между тѣмъ, онъ, во время праздниковъ, въ виду близкаго разлученія съ грѣшнымъ міромъ, захотѣлъ съ нимъ подобающимъ образомъ распространиться и предаться съ своими избранными товарищами такому пьянству, что разъ среди дня его нашли лежащимъ среди лавры. Когда ректоръ возвратился изъ Москвы, ему доложено было объ этомъ скандалѣ. Вслѣдствіе сего, постриженіе Евдокимова, подъ разными предлогами, было отлагаяемо далѣе и далѣе, и онъ, наконецъ, въ 1850 году выпущенъ былъ изъ академіи тѣмъ же Церерапомомъ Евдокимовымъ, какимъ и вступилъ въ нее. Вмѣстѣ съ назначеніемъ, по окончаніи курса академіи, на должность наставника Вологодской семинаріи, передано было туда и дѣло о постриженіи его въ монашество. Онъ былъ постриженъ и названъ Θεодотіемъ: но не долго оставался въ живыхъ съ этимъ новымъ именемъ. Его крѣпкое отъ природы здоровье истощилось, наконецъ, отъ излишняго употребленія еще болѣе, чѣмъ его здоровье, крѣпкихъ напитковъ. Онъ умеръ не болѣе, если не менѣе, 30-ти лѣтъ

отъ роду. Да проститъ ему Господь грѣхи его юности, 1847 г. хотя и не невѣдѣнія!..

Въ декабрѣ, въ отвѣтъ на письмо своего родственника, Муромскаго учителя Ястребова, я писалъ:

„Позволь, другъ мой, мнѣ быть откровеннымъ передъ тобой, но только передъ однимъ тобой. Сожалѣніе, которое ты изъявляешь касательно настоящаго моего положенія, напрасно. Вѣроятно, вамъ преувеличили или не такъ передали мои чувствованія относительно Муромѣ вообще, и относительно родныхъ моихъ въ особенности. Кто вамъ сказалъ, что я жестоко грущу, что мнѣ тѣсно въ стѣнахъ Богоспасаемой лавры. Правда, я говорилъ, и потомъ писалъ, что часто, и почти ежедневно, воспоминаю о Муромѣ: но вспоминать о прошедшемъ значить ли непременно быть недовольнымъ настоящимъ? Съ другой стороны, при всемъ довольствѣ настоящимъ моимъ положеніемъ, могу ли я такъ скоро предать равнодушному забвенію мое прошедшее былое? Вѣдь у меня въ груди сердце, а не камень... Впрочемъ, если я до сихъ поръ еще не совершенно отрѣшился отъ Муромѣ (хотя совершенное отрѣшеніе, мнѣ кажется, и невозможно), то отнюдь не удовольствія и забавы привязываютъ къ нему мое сердце: ты самъ, конечно, помнишь, что я всгда былъ къ нимъ довольно равнодушенъ, а особенно въ послѣдній періодъ моей жизни между вами. Нѣтъ, какая-то высшая, духовная связь соединяетъ и, конечно, долго, долго будетъ соединять меня съ Муромомъ. Я любилъ и люблю родныхъ моихъ вовсе не за то, что они доставляли мнѣ иногда случаи къ разсѣянности, а потому, что родныхъ, какъ родныхъ, особенно такихъ, какахъ имѣлъ и въ Муромѣ, нельзя не любить. Теперь вопросъ—о чемъ же мнѣ грустить? О томъ, что я далеко отъ родныхъ? Но если моя любовь къ роднымъ есть любовь истинная, то она не ограничивается пространствомъ и временемъ. Грустить о томъ, что я лишился возможности участвовать въ веселыхъ пирушкахъ? Но, скажу вамъ откровенно, то, что всего болѣе меня интересовало въ родственныхъ собраніяхъ, возможно для меня и здѣсь, и еще въ большей мѣрѣ. Тихая, мирная бесѣда—вотъ что всего болѣе мнѣ нравилось, когда случалось быть въ кругу родныхъ или знакомыхъ: но такая

1847 г. бесѣда теперь возможна для меня, пожалуй, каждый день. Между товарищами моими есть не мало такихъ, бесѣдою коихъ не только можно услаждаться, но даже назидаться; имѣю также и между бакалаврами одного, крайне добраго человѣка, который всегда готовъ принять меня, и къ которому я могу имѣть полную довѣренность. Если же и случится когда-вибудь немного захандрить, то стоитъ только дойти до Висаніи, гдѣ я пользуюсь особеннымъ расположеніемъ прежняго моего наставника и благодѣтеля Я. И. Владыкина: этотъ старый острякъ способенъ разсѣять какую угодно хандру. Кто-то сказалъ вамъ, что мнѣ тѣсно въ стѣнахъ лавры? Напротивъ, очень просторно: случается такъ, что иногда недѣли двѣ-три не выглянешь и за ворота лаврскія; безъ особенной нужды, вовсе нѣтъ охоты выходить куда-бы то ни было. Прежде имѣлъ я знакомство съ однимъ изъ лаврскихъ іеромонаховъ и нерѣдко посѣщаль его, а теперь оставилъ и эту связь: съ теченіемъ времени начинаешь какъ-то меньше и меньше ощущать потребность во внѣшнихъ развлеченіяхъ; хотѣлось бы даже вовсе уединиться. Какъ ни мало и ни спокойно общество, въ которомъ я теперь живу, но мнѣ все-таки хотѣлось бы имѣть особую келью: въ уединеніи всегда я чувствовалъ себя какъ-то лучше. Но что же дѣлать? Надобно потерпѣть немного; авось когда-нибудь и это желаніе мое будетъ исполнено. Итакъ, самъ ты видишь, любезный Гаврила Васильевичъ, что нѣтъ никакой достаточной причины мнѣ роптать, а вамъ сожалѣть о моемъ настоящемъ положеніи. Нѣтъ, надобно каждому испытать состояніе вдовства среди соблазновъ міра, и потомъ пожить въ академіи, чтобы сравнить и надлежащимъ образомъ цѣнить ту и другую жизнь. Чего недостасть мнѣ теперь въ сравненіи съ прежнею мірскою жизнію? Нѣтъ у меня такого удобнаго и веселаго жилища: но что мнѣ въ этомъ удобствѣ и просторѣ, когда половина существа моего уже заключена въ тѣсномъ гробѣ и мрачной могилѣ? Нѣтъ у меня серебра и золота, которыми, впрочемъ, не слишкомъ богатъ я былъ и въ мірѣ: за то нѣтъ большихъ нуждъ и потребностей; всѣ существенныя потребности наилучшимъ образомъ удовлетворяются теперь попечительнымъ заглазьемъ. (Кстати замѣтить вамъ, что при настоящемъ о. ректорѣ, внѣшній бытъ ака-

деміи много улучшенъ въ сравненіи съ прежнимъ). Если 1847 въ мірѣ успѣлъ я заслужить какую-нибудь репутацію и пользовался вниманіемъ и благорасположеніемъ добрыхъ людей, то всѣмъ этимъ я продолжаю пользоваться и теперь; начальники и наставники ко мнѣ благосклонны, товарищи вѣжливы и даже почтительны. Внѣшнее спокойствіе мое никогда почти не нарушается: братство наше мирно и спокойно. Что касается до внутренняго, душевнаго спокойствія: оно мало зависитъ отъ внѣшнихъ условій: исправность или неисправность по своей должности— вотъ единственное почти условіе пріятнаго или непріятнаго расположенія духа. Правда, совершенно быть исправнымъ въ академіи невозможно или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно: но невозможнаго никто не въ правѣ и требовать. Трудись столько, сколько позволяютъ силы,—и ты будешь правъ и спокоенъ. Не соблюдая этого правила, въ академіи очень легко погибнуть и сдѣлаться въ тягость себѣ и другимъ: примѣры эти у насъ нерѣдки. Теперь одинъ изъ моихъ товарищей страдаетъ, бѣдный, сильно чахоткой: а причиною неблагоразумная ревность.

Что касается до меня, то я бреду не спѣша: куда торопиться? Тѣхъ, кои быстрѣе и крѣпче меня, никогда не опередишь; а тѣхъ, кои потяжелѣ меня на ногу-то, всегда останутся пазади. Особенно теперь, на младшемъ курсѣ, не нужно тратить напрасно силъ: на старшемъ курсѣ предстоитъ трудовъ гораздо больше, и тамъ-то нужно будетъ сосредоточить свои силы. Доселѣ, не обременяя себя излишними занятіями, я слегка касался всѣхъ предметовъ, исключая математики. При постоянномъ почти хожденіи въ классъ, я успѣлъ за прошедшій годъ подать только три сочиненія, а два остались недоконченными: не смотря, однако-жь, на это, я получилъ то, чего рѣшительно не могъ ожидать. Удовлетворяя твоему крайнему любопытству, я сообщу тебѣ, подъ какимъ номеромъ я записанъ, но съ условіемъ— не разглашать это каждому встрѣчному и поперечному. На годичной конференціи я поставленъ въ общемъ списокѣ подъ № 11. Въ первый разъ потому я не отвѣчалъ тебѣ, что тогда это было еще неизвѣстно: нынѣ, предъ святками, конференціи у насъ не бываетъ.

Послѣ сего, любезный другъ мой, вы можете быть спо-

1847 г. койны въ разсужденіи настоящей моей участи: можете даже и порадоваться вмѣстѣ со мною, что такъ Господь устроилъ судьбу мою. Но *finis coronat opus*: Богъ вѣсть, что ожидаетъ меня впереди!

Прощай же, другъ мой, не оставляй, если можешь, пощщать меня своими письмами; съ своей стороны и я не останусь въ долгу у тебя; только напередъ прошу не злоупотреблять моею откровенностію“.

Среди обычныхъ частныхъ испытаній предъ праздникомъ Рождества Христова, памъ даны были для экспромптовъ слѣдующія темы:

1) *Num malum metaphysicum, scilicet limitatio rerum creatarum, revera pro malo haberi potest?* и 2) „Въ какой мѣрѣ отъ истинности содержанія зависитъ художественное достоинство ораторскаго творенія?“

29-го декабря писалъ я въ Муромъ стряпчему А. А. Горицкому:

„Честь имѣю привѣтствовать васъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Отъ полноты признательнаго сердца желаю вамъ, въ грядущемъ лѣтѣ, при добромъ здравіи, новыхъ, счастливыхъ успѣховъ въ дѣлахъ вашего общепользнаго служенія.

Послѣ многихъ, частныхъ и общественныхъ бѣдствій, коими ознаменованъ былъ для нашего отечества истекающій годъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ ожидаешь наступленія новаго лѣта. Что-то новаго, думаешь себѣ, принесетъ намъ новый годъ? Какіе жребіи готовитъ онъ для каждаго изъ насъ?

Что касается до меня, то, по всей вѣроятности, ожидаетъ меня, въ грядущемъ лѣтѣ, важная перемѣна.

Послѣ праздника Крещенія, когда возвратится изъ Москвы нашъ о. ректоръ, я намѣреваюсь приступить къ началію дѣла о постриженіи въ монашество; и— судя по обыкновенному теченію подобныхъ дѣлъ, съ праздника Пасхи, а можетъ быть, и ранѣе, для меня начнется новый періодъ жизни. Проведши полтора года въ кругу монашествующихъ, конечно, я успѣлъ уже нѣсколько присмотрѣться къ иноческой жизни, и эта жизнь, въ современномъ ея значеніи, представляется мнѣ какъ будто не слишкомъ страшною, тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ я замѣчалъ въ себѣ подъ часъ какую-то особенную любовь къ уединенію: тѣмъ

не менѣе однакожь признаться надобно, что иное дѣло быть постороннимъ наблюдателемъ, и иное — опытно дознавать трудность отшельнической жизни; совѣмъ иное — исполнять что-либо по доброй волѣ, и дѣлать то-же самое по неотразимому требованію долга. Природа наша такова, что для насъ большею частію не то благо бываетъ пріятно и дорого, которое свободно и безъ труда приобретается, но то именно, достиженіе котораго соединено съ большими или меньшими препятствіями, или даже съ нарушеніемъ положительныхъ законовъ. Но какъ бы то ни было, а путь монашества для меня, при моихъ обстоятельствахъ, неизбѣженъ. Что дѣлать?.. Гдѣ не достанетъ собственныхъ силъ, тамъ поможетъ благодать Божія, которая преимущественно въ немощахъ и совершается“.

Съ новаго 1848 года я возымѣлъ было намѣреніе ежедневно записывать мысли и чувствованія, возбуждаемыя при чтеніи Библии: къ сожалѣнію, это благое предпріятіе очень скоро прекратились.

Вотъ что было мною записано въ первый день новаго года, въ четвертокъ.

Востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и осветитъ тя Христосъ (Еф. V, 14).

Время, время пробудиться отъ глубокаго и столь долгаго сна, грѣшная душа моя! Время воспрянуть тебѣ изъ мрачнаго гроба злыхъ привычекъ и порочныхъ страстей! Пора отозваться на гласъ зовущаго тебя небснаго Жениха! Поспѣши, о, поспѣши къ Нему, душа моя! И Опъ, милосердый, осіяетъ тебя Божественнымъ Своимъ свѣтомъ, озаритъ тьму твоего невѣдѣнія; разсѣетъ мрачные твои помыслы; просвѣтитъ тебя свѣтомъ Бжовѣдѣнія, согрѣетъ хладное сердце твое лучами всесильной Своей благодати; оживотворитъ и направитъ волю твою къ добру.

Начало поваго лѣта да будетъ началомъ моего духовнаго обновленія. Отселѣ все мое вниманіе да будетъ устремлено на то, чтобъ уклоняться, по возможности, отъ всѣхъ нечистыхъ помысловъ, подавлять въ себѣ порочныя чувствованія, истреблять худые навыки“ ¹⁾.

Помѣщая здѣсь выписку изъ любопытнаго письма моего

¹⁾ Въ подлинникѣ „Хроники“ сохранилось еще нѣсколько дневныхъ записей (на 2-е, 3-е и 16 е января).

1848 г. товарища Быстрицкаго къ Кіевскому другу его Флоринскому отъ 3-го января:

„Благодаря болѣзнимъ, я не успѣлъ, въ продолженіе трети, подать и одного сочиненія... Предложеніе для своего сочиненія я избралъ изъ данныхъ О. А. Голубинскимъ по классу метафизики; вотъ оно: „Согласно-ли съ здравымъ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи личности души по смерти?“—Не правда-ли, что предметъ интересный, но и вмѣстѣ самый утопченный—отвлеченный, сухой?—Какъ-бы думалъ ты, много-ли можно написать о немъ? Общая истина — если у насъ дается предметъ для сочиненія, то надобно нѣсколько источниковъ перечитать; слѣд., сочиненіе должно выйти обширное. Это предложеніе еще довольно частно; а то даны большею частію самыя общія, на примѣръ по классу Исторіи древней философіи,—о законахъ Ману, объ ученіи Конфуція, о Сенецкѣ. По классу Исторіи новой философіи: взглядъ на онтологию Гегеля; о вліяніи Канта на новѣйшую философію; о борьбѣ Якоби противъ идеализма Канта и Фихте и пантеизма Шеллинга; разборъ Теодицеи Лейбница и др. Для подобныхъ предметовъ сколько нужно времени и труда, и сколько самаго писанія! Отъ того и пишутъ у насъ листовъ по 15-ти, 20-ти и даже болѣе. И первое мое предложеніе, кажется, не обширно, а требуетъ многого, — требуетъ прочтенія Гегелевой Логики, гдѣ онъ развертываетъ свое абсолютное, и частію другихъ наукъ: потому что этому предмету, -состоянію души по смерти Гегель не посвятилъ ни одного трактата въ своей обширной системѣ, а его мысль, между тѣмъ, сказывается въ этой системѣ и выходитъ изъ нея; значить, нужно узнать духъ всей его системы и опровергнуть коренные пункты его ученія; а эти пункты: абсолютное въ себѣ, абсолютное внѣ себя, абсолютное для себя, -- моменты, которыхъ изложенію посвящена Логика. А какова эта Логика! Сколько тутъ отвлеченностей! Сколько утопченности! На каждой строчкѣ, почти на каждомъ словѣ надобно останавливаться и думать.

Дѣло трудно, очень трудно, но и отрадно; охотнику подумать—есть надъ чѣмъ позадуматься. И съ кѣмъ имѣешь дѣло? Съ Гегелемъ, который усвоилъ себѣ высокое служеніе Божеству—довершить то, къ чому стремилась религія и философія издавна, довершить то, что началъ І. Христосъ.

Христось, по его понятію, вѣрою постигъ абсолютное; 1848 г онъ разумомъ обнялъ его, — или лучше, само абсолютное въ немъ познало себя; — съ Гегелемъ, который покоришь себѣ многіе умы, приобрьлъ много явныхъ и тайныхъ послѣдователей, котораго мысли нынѣ въ большомъ ходу и — что онѣ произведутъ? — Какое утѣшеніе, что отвращаешься отъ нихъ умомъ и сердцемъ! Потому что какъ горько разстаться съ убѣжденіями, принятыми въ младенчествѣ, взлѣянными воспитаніемъ, укрѣпленными собственнымъ размышленіемъ! — Представь, какъ измѣняется время, возрастаетъ мысль, расширяется кругъ разумной дѣятельности. Не знаю, какъ ты, а что до меня, такъ я въ семинаріи и не слыхалъ о Гегелѣ; а теперь? — теперь случилось опровергать его. Моя мысль, мое расположеніе соплись съ твоими. Ты жалѣешь, что у васъ не положено было особеннаго класса для Исторіи новой философіи; вѣрно ты любишь ее и съ аппетитомъ занялся-бы ею: такъ и я; только я въ этомъ отношеніи счастливѣе тебя, потому что у насъ есть этотъ классъ отдѣльный, — и большое спасибо бакалавру, читающему эту науку (Пн. М. Богословскому); читаетъ славно, только слушай: всѣ довольны чтеніемъ, и классъ всегда полонъ, а у насъ это знакъ удовлетворительнаго преподаванія. Онъ долженъ прочесть среднюю и новую философію; въ прошедшую треть слушали о схоластической философіи; сколько могли ожидать отъ преподавателя, получили; но такъ какъ самая эта философія пуста, безсодержательна, то лекціи по временамъ интересовали только комическимъ изображеніемъ смѣшныхъ сторонъ ея; изъ всѣхъ лекцій мнѣ особенно понравились объ Іоаннѣ Скоттѣ Эригенѣ. Онъ началъ собою схоластическій міръ, но онъ первый и возвысился надъ нимъ; въ немъ начатки пантеизма, который раскрылся во всей полнотѣ у Гегеля; онъ горячо привязанъ былъ къ твореніямъ Діонисія Ареопагита и Максима Исповѣдника — мистиковъ христіанскихъ, и со всею любовію занимался Платономъ и Аристотелемъ, — и былъ оригинальный мыслитель. Онъ соединилъ начало вѣры съ началомъ философскимъ — мистицизмъ съ свободою мышленія, и изъ этого соединенія вышло третіе, не похожее ни на то, ни на другое ученіе, — оригинальное. Извѣстно раздѣленіе его ученія: природа несотворенная и творящая, природа со-

1848 г. творенная и творящая, природа сотворенная и не творящая, природа не сотворенная и не творящая“... .

18-го января писалъ мнѣ изъ Владиміра шуринъ, С. Царевскій:

„Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и отъ души желаю провести вамъ оный благополучно.

Давно уже, слишкомъ давно не писалъ я вамъ. Въ настоящій годъ постараюсь вознаградить свое прежнее молчаніе частымъ разглагольствіемъ; вы, съ своей стороны, на вѣрное, не откажетесь отвѣчать тѣмъ-же. Съ перваго же мѣсяца начинаю свою переписку съ вами. Если угодно будетъ вамъ, каждый мѣсяць будете получать по такому посланію, каково и сіе.

Какъ много собралось въ головѣ моей такого, о чемъ нужно писать къ вамъ! Я, право, не знаю съ чего и начать, — что поставить прежде, что послѣ. Но вы, навѣрное, не взыщете, если то, что вамъ хочется поскорѣе узнать, поставлено будетъ не наперед. Чего, изъ желаемаго вами, не достанетъ въ семь писемъ, о томъ спросите, — и я не замедлю отвѣтить вамъ.

Хотѣлось, можетъ быть, вамъ короче узнать своего преемника, священника Александра Орфанова—зятя нашего. Богъ дастъ, увидите и ознакомитесь. Не стану описывать вамъ сего, потому что не полное понятіе о немъ получили вы отъ дяденьки, а полное сообщить, — я не знаю уже какъ. Скажу только, что онъ мущина умный и смиренный. Онъ успѣлъ уже и похворать. Въ іюль прошлаго года напала на него какая-то задумчивость, тоска, какое-то недовольство самимъ собою и какой-то непонятный страхъ, особенно при Богослуженіи; все сіе продолжалось съ нимъ мѣсяца полтора, такъ что онъ не могъ служить ни обѣдни, ни утрени, только одну вечерню, и то съ великимъ усиліемъ могъ отправить. По мнѣнію докторовъ, это происходило въ слѣдствіе разлитія и неправильнаго отдѣленія желчи. Благодаря Богу и медицинѣ, теперь все прошло, — не извѣстно, что будетъ впередъ.

Остаюсь искренно любящій васъ братъ, ученикъ 3 высш. отд. семинаріи Сергій Царевскій“.

На письмо это отвѣчалъ я отъ 27-го того же января:

„Благодарю васъ, любезный мой Сергій Васильевичъ,

отъ души благодарю за ваше привѣтствіе и усердное благопожеланіе, а равно и за возобновеніе письменнаго сообщенія со мною. Дѣйствительно, терялся я и доселѣ теряюсь въ различныхъ догадкахъ насчетъ вашего общаго молчанія, которое до сихъ поръ вы сохраняли относительно меня. Если причиной вашего молчанія было именно то, что вы представляете въ письмѣ своемъ, то это еще бѣда не большая, ее легко можно поправить. Если же что-нибудь другое, то, признаюсь, для меня не совсѣмъ это пріятно. Впрочемъ, продолжительное молчаніе ваше возбуждало и возбуждаетъ во мнѣ не столько ропотъ и негодованіе, сколько сожалѣвіе о томъ, что и сами хотѣли и меня заставили такъ скоро забыть о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Скажу не обинуясь: мое сердце болѣе привязано къ Мурому, чѣмъ къ родинѣ. Но послѣднее письмо ваше, такъ неожиданно мною полученное, привело меня въ новое недоумѣніе. Я желалъ-бы узнать откровенно, по собственному-ли побужденію вы начинаете опять со мною переписку, или другой кто-нибудь внушилъ вамъ это? Если по собственному побужденію—хорошо, а если по чуждому внушенію, то еще лучше. Но въ послѣднемъ случаѣ для меня все-таки остается загадкою, почему изъ Мурома никто не пишетъ мнѣ ни слова? Отъ маменьки вашей я уже и не ожидаю писемъ, и самъ не пишу ей, хотя бы и нужно было, по причинѣ, которая ей одной извѣстна. Но не желая беспокоить ихъ непосредственно, я прошу васъ быть между нами посредникомъ: я увѣренъ, что теперь, кромѣ васъ, никого нѣтъ къ нимъ ближе. Дѣло вотъ въ чемъ: онѣ обѣщали въ ноябрѣ выслать мнѣ деньги за оставленныя мною для продажи вещи, но и до сихъ поръ не исполняютъ обѣщанія, вѣроятно, потому, что не всѣ вещи проданы. Между тѣмъ я начинаю ощущать нужду въ деньгахъ; прежній запасъ мой уже истощился, а одолжаться, безъ крайней надобности, не хотѣлось бы.

Итакъ, если вы, по прежнему обычаю, отправитесь на сырную недѣлю въ Муромъ, предложите объ этомъ маменькѣ, и попросите ихъ выслать мнѣ обѣщанныя деньги, если не всѣ, то сколько можно. Въ случаѣ же совершенной невозможности почему-либо удовлетворить моею просьбѣ, по крайней мѣрѣ немедленно извѣстите меня: я такъ и

1848 г. буду уже располагаться своими отрицательными доходами. Было время, когда я имѣлъ возможность другимъ помогать; теперь самъ нуждаюсь въ помощи другихъ. Но Богъ милостивъ! авось настанетъ время, когда опять возвратится ко мнѣ прежняя возможность быть чѣмъ-либо полезнымъ для другихъ... Время летитъ быстро: давно-ли, кажется, оставилъ я Муромъ? И вотъ уже почти половина пути совершена мною на поприщѣ академическаго образованія. При помощи Божіей и за доброе здоровье, не увидишь, какъ приблизишься къ желанному берегу.

Что до меня, то я, слава Богу, здоровъ и благодушествую. Спрашиваешь: не случилось-ли со мной въ святки чего новенькаго? т. е. не отрекся-ли я отъ міра и не вступилъ-ли въ монашество? Нѣтъ. Думалъ-было, впрочемъ, въ настоящемъ мѣсяцѣ подать прошеніе: но, по совѣту о. ректора, отложилъ до будущей вакаціи, и потому не прежде, какъ въ сентябрѣ, могу я облечь себя въ санъ иноческій.

Съ братской къ вамъ любовью и усердіемъ остаюсь М. д. ак. студентъ, свящ. І. Тихомировъ“.

28 февраля получилъ я изъ Вятки письмо отъ отца Стефана (Матвѣева). Опъ писалъ:

„Надѣясь на доброту вашего сердца и благоразуміе, я опять прошу васъ исполнить порученіе, только другаго рода. Именно слѣдующее:

Я составилъ жизнеописаніе моего родителя, миссіонера архимандрита Іліи и намѣренъ издать въ свѣтъ, какъ сіе жизнеописаніе, такъ вмѣстѣ съ нимъ и сочиненія покойнаго моего родителя. Все уже съ моей стороны приготолено.

Недоумѣніе вотъ въ чемъ: не знаю положительно, куда представить на разсмотрѣніе біографію и сочиненія моего родителя: въ Синодъ-ли, или въ Цензурный комитетъ при академіи духовной? Если въ Цензурный комитетъ, то достаточно-ли будетъ испросить на сіе представленіе благословенія епархіальнаго епископа, т. е. Вятскаго.

Всѣ сіи вопросы можетъ удовлетворительно рѣшить цензоръ. Поэтому прошу васъ покорно принять на себя трудъ — сходить къ Θεодору Александровичу или къ Петру Спиридоновичу и обстоятельнѣе спросить ихъ о чемъ я выше написалъ. За симъ прошу васъ о всемъ этомъ увѣдомить“.

Исполнивши возложенное на меня порученіе, я поспѣ-

шилъ отвѣтить почтенному о. Стефану; и вотъ что писалъ 1848 г ему отъ 2-го марта:

„Сейчасъ былъ я у Θεод. Александровича по вашему порученію. Онъ выслушалъ мое объясненіе съ обычною ему благосклонностію, и поручилъ мнѣ передать вамъ слѣдующее. Сочиненіе ваше не слѣдуетъ представлять въ Синодъ, если нѣтъ въ немъ какихъ-нибудь особенныхъ повѣствованій, какъ, напримѣръ, о чудесныхъ знаменіяхъ благодати, о предсказаніяхъ и т. п., а можете представить прямо его въ Цензурный комитетъ, при прошеніи, въ которомъ должны упомянуть, что вы приступаете къ этому дѣлу съ благословенія преосвященнаго; но еще было бы лучше, если бы преосвященный своеручно написалъ нѣсколько словъ на вашей рукописи. Въ случаѣ нужды, достаточно для сего и одного соизволенія мѣстнаго архипастыря. Но Θε. Александровичъ совѣтуетъ вамъ (предоставляя, впрочемъ, это вашему собственному усмотрѣнію), прежде, нежели вы испросите благословеніе у мѣстнаго преосвященнаго, снести письменно съ преосв. Пермскимъ, представивъ ему копію съ вашей рукописи не съ тѣмъ, чтобъ требовать его согласія, а только попросить его совѣта и наставленія, какъ архипастыря, подъ вѣдѣніемъ коего совершалъ свое служеніе и вашъ покойный родитель. Этимъ вы сдѣлаете ему честь, а между тѣмъ и для себя получите нѣкоторую выгоду. Выгода для васъ будетъ та, что въ случаѣ его одобренія и письменнаго увѣдомленія, котораго, можетъ быть, онъ удостоитъ васъ, цензурѣ не будетъ никакой надобности входить въ письменныя сношенія съ Пермскою консисторіею, безъ которыхъ она иначе не можетъ обойтись въ томъ случаѣ, если въ вашемъ сочиненіи встрѣтитъ рассказъ о какомъ-нибудь важномъ подвигѣ вашего родителя, напр., объ обращеніи большого количества иновѣрцевъ. При семъ съ вашей стороны требуется только то, чтобы вы вмѣстѣ съ рукописью представили въ Цензурный комитетъ подлинное письмо преосвященнаго Аркадія. Цензоръ, свявши съ него копію, немедленно возвратитъ его вамъ. Эта копія не будетъ присоединена къ вашему дѣлу, но будетъ служить для цензора опорю въ случаѣ какихъ-нибудь постороннихъ недоумѣній и возраженій на ваше сочиненіе. Если же, по истеченіи

1848 г. двухъ или трехъ мѣсяцевъ, вы не получите отъ преосвященнаго никакого отвѣта: въ такомъ случаѣ вы можете ограничиться благословеніемъ мѣстнаго преосвященнаго и спокойно представить вашу рукопись на разсмотрѣніе Цензурнаго комитета.

Да вотъ что еще совѣтовалъ онъ вамъ сдѣлать: присылать рукопись не прямо въ комитетъ, а на мое имя, для того, чтобъ я могъ предварительно показать ему оную.

Замѣтно, онъ хочетъ принять дѣятельное участіе въ вашемъ предпріятіи. Отъ души порадовался онъ, когда услышалъ, что вы рѣшились увѣковѣчить имъ достойнаго вашего родителя. О вашемъ батюшкѣ онъ отзывался очень съ хорошей стороны, наслышавшись объ немъ отъ вашихъ земляковъ. Въ заключеніе бесѣды, добрый старецъ подробно разспросилъ меня о настоящемъ вашемъ положеніи, и поручилъ свидѣтельствовать вамъ почтеніе“.

Изъ среды молодыхъ товарищей по академіи я болѣе всѣхъ сблизился съ Гр. Петр. Быстрицкимъ и сердечно полюбилъ его, какъ юношу умнаго, благонаправнаго, кроткаго и благороднаго. Взаимно и онъ ко мнѣ искренно былъ расположенъ,—о чемъ онъ писалъ, между прочимъ, къ своему сверстнику по семинаріи и другу, студенту Кіевской академіи Н. И. Флоринскому. Вотъ что онъ писалъ ему отъ 30-го марта:

„Странное, смѣшанное впечатлѣніе произвело на меня твое сравненіе нашихъ успѣховъ съ вашими, по поводу сочиненій столько ученыхъ и обширныхъ въ нашей академіи. Какъ воспитаннику этой академіи, мнѣ пріятно это предпочтеніе, которое ты даешь: кому не лестно слышать похвалы о себѣ?— Но, съ другой стороны, я тоже скорбное ощущеніе испытываю въ отношеніи къ здѣшней академіи, какое ты по отношенію къ себѣ. Видимая сторона нашихъ занятій блестяща; какіе важные, высокіе предметы! сколько матеріала для разработки! Сколько поприща для размышленія, пособій и средствъ для положительныхъ познаній! Но увы! сколько и труда, времени, однихъ механическихъ занятій. Трудъ одностороненъ, потому что обращенъ на одинъ, единичный предметъ науки изъ множества; время, которое можно-бы посвятить приобрѣтенію разнообразныхъ свѣдѣній, мышленію о разнообразныхъ предметахъ, все

поглощается изученіемъ одного. У насъ все вниманіе студентовъ обращено на сочиненіе, и сочиненія имѣютъ самое главное и едва-ли не единственное значеніе на конференціи. 1848 г.
Послѣ этого можешь судить о нашихъ занятіяхъ науками, которые преподаются въ классѣ. Слушаютъ преподавателей по преимуществу и почти единственно тѣхъ, которые особенно увлекаютъ лекціями. Чтеніе журналовъ (которыхъ мы выписываемъ четыре; кромѣ того, мы младшіе студенты выписали творенія Шекспира и романы Вальтеръ-Скотта)—чтеніе журналовъ составляетъ занятіе у насъ довольно важное—(объ этихъ вещахъ, пожалуйста, помолчи). Касательно сочиненій, такъ обширныхъ, студенты вообще недовольны настоящимъ порядкомъ вещей,—конечно, отъ насъ самихъ зависитъ это, но вмѣстѣ и отъ свойства предложеній. Есть надежда на счастливую переменѣ. О ректорѣ съ слѣдующаго года думаетъ совершить ее. Въ мое дежурство по классу, случилось мнѣ услышать отъ него эту пріятную рѣшимость. Онъ спрашиваетъ меня, всѣ-ли подали сочиненіе; я отвѣчаю: нѣкоторые еще пишутъ первое (данное еще въ самомъ началѣ года, а такой вопросъ о ректора былъ на 3-й недѣлѣ велик. поста), а большая часть занимается вторымъ (даннымъ въ концѣ первой трети), не многіе подали это послѣднее. Онъ говоритъ съ негодованіемъ и прискорбіемъ: страшный беспорядокъ; гдѣ основанія, данныя для надлежащей, справедливой оцѣнки трудовъ и дарованій студентовъ? И въ слѣдующій годъ обѣщаль совершить благодѣтельный переворотъ.

Такъ вотъ каковы наши дѣла! Мы на пути къ усовершенію и въ другихъ отношеніяхъ. Не давно пришло утвержденіе на предложеніе нашей академіи — литографировать лекціи. Не знаю, скоро-ли начнется это полезное дѣло, а все-таки начнется; хорошо, если-бы въ настоящемъ же году. Счастливы студенты СПб. академіи—не трудятся, а лекціи готовы и при томъ въ возможно полномъ видѣ, — въ системахъ. У насъ этой полноты въ началѣ не можетъ быть; но и то, что будетъ, хорошо, главное, избавимся отъ труда писать.

Вотъ еще новость, пріятная для нашей академіи. Писали изъ Петербурга объ утвержденіи другаго предложенія академіи—о прибавкѣ суммы на содержаніе студентовъ; будетъ

1848 г. прибавлено 100 р. на студента, на котораго ассигновалось 350 р. ассигн. И это, если сбудется, прекрасно: будем имѣть по другой шинели; такимъ образомъ въ семинарію прїѣдешь не въ рубищѣ, а порядочнымъ молодымъ чело-вѣкомъ.

Ты говоришь о настоящемъ европейскомъ движеніи, и мнѣ позволь не много поговорить о немъ, потому что это такой предметъ, который занимаетъ всякаго мыслящаго. Предъ нашими глазами совершается реформа, которой равной едва ли найдешь въ какомъ-либо другомъ вѣкѣ всемірной исторіи. Переворотъ въ необыкновенномъ размѣрѣ, и чрезвычайно быстрый; онъ охватилъ или грозитъ охватить весь западъ: вотъ какова сила идея; вотъ какъ способны убѣжденія перейти въ дѣло.

Ты мнѣ не сказывалъ, читаете-ли вы журналы; а вотъ въ этомъ отношеніи, чтобы слѣдить за развитіемъ чело-вѣчества въ лицѣ образованной Европы,—за движеніемъ чело-вѣческой мысли, чтеніе ихъ очень полезно. Настоящій вѣкъ, какъ извѣстно, вѣкъ промышленности, и слѣдовательно любви къ матеріальному благосостоянію: но къ этому интересу присоединился другой,—думаютъ разлить довольство по всѣмъ состояніямъ, такъ, чтобы, какъ выражаются „Отечественныя Записки“, не было ни просящихъ, ни дающихъ, однимъ словомъ, чтобы на землѣ водворилось блаженство. Это истинно-человѣчскій, христіанскій интересъ. Благодареніе Сисмонди—виновнику такого направленія политической экономіи, которая теперь взяла на себя изысканіе средствъ къ осуществленію этой идеи, или, лучше, утопіи, потому что едвали возможно на землѣ блаженство и при томъ для каждаго чело-вѣка. Эта идея сама собою приводитъ къ другой,—а можетъ быть изъ нея вытекла, — къ идеѣ о безусловномъ развитіи личности, потому что счастье и наслажденіе естественно предполагаютъ удовлетвореніе всѣхъ личныхъ влеченій, съ идеею о безусловномъ развитіи личности стоитъ рядомъ идея о личномъ правѣ, о внѣшней независимости лица. Такъ, во Франціи, гдѣ началось разрушеніе престоловъ, было двѣ партіи политическія—одна держалась духа общины, другая стояла за права личности. Последняя была сильнѣе, потому что образовалась исторически; къ ней принадлежало правительство, ученое сословіе, вой-

ско, и она превозмогла. Вотъ на мой взглядъ какъ произошла реформа; отъ того, кажется, ея дѣйствія такъ быстры, потому что идеи всеобщи. 1848 г

О, безпокойный, мятущийся западъ! Бѣдные государи отказываются отъ престоловъ; счастье, равенство и свобода, во имя которыхъ гремятъ старый порядокъ вещей (слова эти, говорятъ, Итальянскія государства избрали своимъ девизомъ) искупаются рѣками крови, насиліями и грабежами пролетаріевъ. Вотъ образованіе! Подлинно, другъ, мы счастливы, что живемъ въ хранимой Богомъ Россіи; убѣжденія наши противоположны западнымъ убѣжденіямъ.

Въ заключеніе всего этого попрошу тебя не слишкомъ скромничать и смиренничать.

Съ прискорбіемъ я услышалъ о вашихъ неприятныхъ отношеніяхъ къ Ксенофону Васильичу (Поспѣхову?)...

Мы, земляки, живемъ хорошо и преимущественно В. Ө. (Взоровъ), Ө. М. (Остроумовъ) и я, но если здѣсь кто особенно близко къ мнѣ, равно и я къ нему, то это—о. Іоаннъ; мы живемъ съ нимъ въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ. Точно, въ академіи болѣе самолюбія, чѣмъ искренности, дружелюбія, и тѣмъ пріятнѣе, отраднѣе для сердца имѣть кого-нибудь привязаннаго къ намъ, раздѣляющаго нашу искренность. Жалко, что наша взаимная пріязнь не такъ еще тѣсна, какой-бы желалось. Намъ раздѣляютъ лѣта, званіе; мы живемъ отдѣльно и отдаленно другъ отъ друга; случается иногда по цѣлымъ недѣлямъ, кромѣ классовъ, не видѣться. Я вообще не люблю ходить въ чужія жилища. Впрочемъ, мы съ нимъ сошлись характеромъ и привязанностями сердечными“.

8-го апрѣля поздравлялъ меня съ свѣтлымъ праздникомъ Переславскій архимандритъ, о. Нифонтъ и прислалъ списокъ книги пророка Даніила въ русскомъ переводѣ.

Въ апрѣлѣ послѣдовала у насъ перемѣна инспектора. Инсп. д. инспектора іеромонахъ Иларіонъ назначенъ былъ ректоромъ Воронежской семинаріи. На его мѣсто определенъ бакалавръ іеромонахъ Сергій (Лянидевскій), нынѣ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій и Коломенскій.

4-го мая писалъ мнѣ изъ Московской Голицынской больницы мой новый другъ и товарищъ Г. П. Быстрицкій:

1848 г.

„Давно, давно собирался я писать къ вамъ, — извѣстить васъ о моихъ бѣдныхъ обстоятельствахъ; еще думалъ объ этомъ на св. недѣлѣ, но обычная моя неисправность въ подобномъ дѣлѣ, и еще болѣе невѣденіе о судьбѣ болѣзни, и надежда скоро выйти изъ скучной и тягостной больницы, — такія причины удерживали мой языкъ отъ письменной бесѣды. Да, я думалъ и надѣялся, что выйду на отрадную волю и приѣду въ академію въ началѣ муриносицкой недѣли; но, о, суетная надежда человѣческая! вотъ и муриносицкая прошла, вотъ идетъ недѣля разстабленнаго, а я слабый еще и не знаю, сколько пролежу здѣсь, все меня упреждаютъ другіе, болѣе счастливые. Болѣзнь у меня — завалы въ животѣ, теперь ихъ лечатъ и говорятъ, что еще не скоро придетъ конецъ имъ; прежде я лечился и отъ сердцебіенія, которое нашли ненормальнымъ. Но это послѣднее теперь, кажется, въ нормальномъ положеніи. Такъ я и теперь не могу сказать ничего опредѣленнаго о томъ вожелѣнномъ днѣ, когда выйду отсель и приду къ вамъ. Завалы, кажется, въ одномъ состояніи. Спасибо еще нашему врачу ординатору; — человѣкъ внимательный и добрый; вотъ уже нѣсколько лекарствъ перемѣнилъ мнѣ. Теперь нѣтъ надежды вылечиться и выйти изъ больницы хоть въ половинѣ мая. Дѣлать нечего; да будетъ воля Божія! Эта преданность Провидѣнію составляетъ мое утѣшеніе. Отраднa мысль, что я болю не безъ благой воли Божіей, — безъ которой, по слову Господа, и стоящая менѣе одного ассарія птица не погибаетъ. Помолитесь о мнѣ преподобному Сергію!

Счастливъ я, что взялъ съ собою проповѣди преосвященнѣйшаго Филарета; — сколько въ нихъ назиданія и духовнаго утѣшенія! Я прочиталъ весь этотъ томъ; прочиталъ и всю вашу Илиаду, — скучна, но не безъ достоинствъ. Кстати, я было и потерялъ, или лучше, ее было украли у меня здѣсь: но объ этомъ когда-нибудь на свободѣ.

Думаю, вы теперь трудитесь, и трудитесь много, конечно, и сочиненію на плечахъ, и списыванію и ученію лекцій. Трудитесь, трудитесь и соберите добрый плодъ. Молю Господа, да поможетъ вамъ, и всѣмъ моимъ товарищамъ. Мы свободны отъ такихъ трудовъ, и я привыкъ уже къ этой

мысли; что въ самомъ дѣлѣ и жизнь и благо ея безъ здоро- 1848 г
ровья!

Думаю, что есть ко мнѣ письмо и не изъ одного мѣста; хорошо, еслибы кто-нибудь изъ васъ—вы или другой кто изъ земляковъ получили ихъ. Можетъ быть, не присланы-ли были даже и деньги: а если присланы, сохрани Богъ, чтобы не отправились назадъ—къ своему источнику. Это не въ порядкѣ вещей“.

Въ первой половинѣ іюня, около 11 числа, посѣтилъ нашу академію, по пути къ мѣсту своего новаго служенія преосвящ. Гавріиль, архіеп. Тверскій, бывший Херсонскій. Его сопровождалъ высокопр. Митрополить, его сверстникъ по образованію въ Лаврской семинаріи. Посѣтили они и нашу монашескую келью ¹⁾.

Около того-же времени, мимоѣздомъ въ Воронежъ и обратно, былъ въ лаврѣ преосвящ. Евгеній, архіеп. Ярославскій ²⁾.

19-го іюня писалъ мнѣ изъ Муромъ смотритель училища Красовскій:

„Обыде насъ послѣдняя ужасная бездна смерти и пѣсть избавляй, развѣ единого Бога. Всѣ живущіе въ Муромѣ вмѣнихомся, яко овцы заколєнія отъ холеры.

Со 2-го числа сего мѣсяца холера, какъ коршунъ, летаетъ по Мурому, и какъ бы на выборъ, выклеываетъ, большею частію неосторожныхъ. Причина ея, говорятъ, въ воздухѣ, дѣйствуетъ же она преимущественно надъ подвергшимся простудѣ. А какъ дѣйствуетъ? Весьма ужасно и весьма скоротечно. Сначала человекъ чувствуетъ какое-то чувство томленія, боль въ головѣ, а потомъ ознобъ; далѣе происходитъ или сильнѣйшій поносъ, или мучительнѣйшая рвота, большею же частію то и другое вмѣстѣ и наконецъ ужаснѣйшія корчи, за коими мгновенно слѣдуетъ смерть, и все это совершается не болѣе, какъ въ 4 или 3 часа, а иногда и меньше.

¹⁾ См. *Письма митроп. Филарета къ князю С. Миле Голицыну* отъ 11-го іюня 1848 г. № 70, и отъ 13 ч. того-же мѣсяца, № 84, а также отъ 5-го іюля, № 85. (При *Правосл. Обзор.* за 1883 г.).

²⁾ Существуетъ цѣлая біографія преосв. Ярославскаго Евгенія, составленная протоіереемъ *И. А. Благотыщенскимъ*, послѣ кончины этого архимандрита (сконч. въ 1871 году).

1848 г. Врачи, особенно Матвѣй Васильевичъ, не успѣваютъ въ нныя дни не только помогать больнымъ, даже писать рецепты, а аптекарь отпускать лекарства Страшно.

Ученики всѣ 12-го числа распущены по домамъ, и теперь у насъ вакація; только для священниковъ самая настала безпокойная жизнь.

Еще новостей нѣтъ; однако и эта одна за тысячу отвѣтитъ. Говорятъ, да я и въ газетахъ читалъ, что въ Москвѣ сильно дѣйствуетъ холера, и по всѣмъ уѣздамъ, не забывая даже вашего Богоспасаемого посада.

Нѣтъ ли у васъ, особенно по академіи, какихъ-либо новостей и нѣтъ ли чего такого, что, можетъ быть, касается и нашего училища? Не слышно-ли чего-нибудь о нашихъ окладахъ?

Пожалуйста извѣстите, какое вы примете имя въ новомъ ангельскомъ чинѣ? Вѣдь вы сами писали, что въ нынѣшнюю вакацію содѣлаетесь монахомъ. Это мнѣ нужно знать для адреса, безъ котораго, пожалуй, можетъ прерваться наше дружественное сношеніе“.

Въ продолженіи всего іюня мѣсяца происходили у насъ частные экзамены. Между устными испытаніями, занимались мы и письменными сочиненіями на данныя темы. Такъ, 5-го іюня дана была намъ для сочиненія латинская тема: *Quaenam superioris cognoscendi facultatis est destinatio* 16-го числа: „Можно-ли производить зло нравственное изъ одной ограниченности твари?“ 17-го числа: „Какую пользу для литературнаго образованія можетъ доставить изученіе древней греческой и римской литературы?“.

По окончаніи частныхъ экзаменовъ, 23-го іюня, въ день празднованія Владимірской иконѣ Божіей Матери, помолвившись усердно Богу, я подаль въ руки о. ректора, архимандрита Алексія, на имя высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго прошеніе слѣдующаго содержанія:

„По причинѣ вдовства моего, имѣя намѣреніе посвятить себя монашеской жизни, я рѣшился нынѣ привести оное въ исполненіе. Посему нижайше прошу Ваше Высокопреосвященство исходатайствовать мнѣ на сіе разрѣшеніе“.

Такимъ образомъ, я сдѣлалъ новый, весьма рѣшительный, шагъ въ своей жизни.